

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: БОРТ 556. Мистико-приключенческий триллер. Серия 3. Экранная версия (Только для взрослых)

Было уже десять утра, и Джейн, раскрыв все оконные иллюминаторы в моей каюте, сделав общее проветривание нашей любовной обители, собрала скомканные и измятые простыни с последствиями нашей ночной любви в большой комок и, выйдя в коридор, бросила в стирку. Она голышом, сбегала в душевую и в свою каюту. И вновь переоделась в домашний свой легкий шелковый, как тогда когда первый раз я ее увидел тельного цвета короткий до колен халатик. Собрал снова в пучок на темечке миленькой девичьей головки, длинные вьющиеся свои растрепанные о мою постель черные как смоль волосы, заколов их золоченой снова заколкой. Она, снова рассыпав кассеты по постели. Включила магнитофон и, припевая под мелодию «Motley Crue», из магнитофонной записи, Джейн пританцовывала, вихляя, соблазнительно вновь предо мной своим полуголыми почти черными от загара бедрами, сверкала из-под его коротких пол шелкового домашнего халатика, узкими желтыми от купальника плавками и своими обворожительными и прелестными голыми девичьими ножками. Мною жадно исцелованными, от самой девичьей промежности до пяток. До черных от загара маленьких девичьих ступней в домашних тапочках.

— Любовь моя — сказал, помню я ей из душа — А как же то твое черное вечернее платье? — вдруг вспомнил я, глядя на этот ее шелковый прелестный халатик — Ты его после того раза, помнишь на том атолле, тогда в тот шторм, больше и не надевала. Вместе с теми туфлями на каблуках на своих прелестных ножках. Ты в нем была особенной!

— Неужели — тихо ответила моя Джейн, делая удивленный вид. Она, смотрела на меня выразительными в том удивлении черными, как ночь глазами — Я из всех своих тряпок долго тогда выбирала, что надеть и вообще тогда подумала, что это было лишним — мы уже разговаривали как потенциальные муж и жена — Нашла, когда носить вечерние платья и время и место. Дурой была. Ты же меня так назвал — она в упор уставилась на меня черными своими обворожительными полными любви и одновременно укора женскими глазами — Дурой влюбленной до дури в русского потерпевшего крушение моряка. Нацепила его, прекрасно понимая, что оно не идет мне, к моему почти от загара черному телу. То, что совсем неуместно в морском походе.

— Напротив! — я, громко шумя водой, восторженно и восхищенно произнес — Ты была в нем умопомрачительна! Я глаза не мог отвести!

— Я знаю — ответила Джейн довольная моими словами — Ты и так от меня глаз не можешь отвести, только и пялишься на меня, и не особо тогда слушаешь Дэниела.

— Любимая ты моя! — я, выскочив из душа, снова побритый и как дикарь, в чем мать родила, мокрый, повернув ее лицом к себе. Схватив ее за гибкую тонкую девичью талию, обняв за пояс того шелкового халатика — Прости же ты меня дурака! — виновато произнес я, смотря синими своими с зеленью влюбленными на нее глазами, подымая Джейн на руках перед собой отрывая от пола — Вырвалось у меня в гневе! Прости! Прости за Дэни! — я придавил ее с силой к себе, и она, было, попыталась вырваться из моих мокрых скользких мужских рук, только и произнесла — Намочил меня всю! Безумец влюбленный! — и прижалась ко мне пышной, своею трепыхающейся вновь возбужденной для очередных ласк девичьей грудью — Люблю я тебя — тихо прошептала она мне на ухо. Жарко дыша носом в мою щеку, опустив

миленькую свою черноволосую головку на мое мужское плечо — Люблю и ничего не могу с собой поделать. И обняла меня за шею, повиснув на девичьих черненьких от загара ручках. Я прижимал ее к себе к своему мокрому почти черному от загара русского моряка телу. Она продолжила — Я не виню тебя ни в чем милый мой Володя — произнесла тихо и страстно, глядя на меня Джейн — Я все обдумала с того вечера и поняла, что все было правильно. Дэни тоже признался мне, что больше виноват перед тобой, чем ты перед ним. Ты правильно сделал, что удерживал его. Он бы точно тогда утонул.

Я держал свою красавицу Джейн в руках как сумасшедший и одержимый любовью.

— Отпусти меня любимый — произнесла моя Джейн, тяжело и надрывно уже дыша — освобождаясь от моего крепкого и цепкого за ее гибкую девичью талию захвата, от моих схвативших ее сильных рук пальцев — На сегодня хватит любимый мой. Хватит.

Джейн, освободившись от моих рук, опустилась на пол.

Она, любуясь мною своим и только ее мужчиной, и пожирая меня черным взглядом своих женских наполненных безумной любовью глаз, взяла в руки сброшенный ночью на пол прежний свой длинный махровый халат, Джейн вышла из моей каюты и, пройдя по коридору, постучалась в каюту брата Дэниела.

Я, быстренько надел, плавки, прямо на мокрое тело, свои штаны и майку, высунулся прямо из своей каюты, стоя босиком на пороге и глядел любовно на свою очень красивую и любвеобильную морскую подругу — Любимая, а как же наш новый вечер наедине и твое вечернее то платье?!

— Будет время, милый мой, будет тебе и вечер и мое, то вечернее платье — произнесла, на меня обернувшись, и сверкнув любовно вновь глазками, чмокнув в мою сторону зацелованными своими девичьими губками, произнесла ласково моя Джейн, и толкнула дверь в каюту Дэниела. Дверь из кранного дерева открылась, но Денни там не было. Она напугалась, как и я, надев пляжные свои сланцы, вместе с ней выскочили на палубу Арабеллы.

Дэни встал рано, и, пока мы, умаявшись до беспамятства любовью, крепко как убитые оба спали, приняв душ, успел уже позавтракать и ходил быстро уже туда сюда по палубе яхты. Он, был на удивление собран и спокоен на вид. Он перетягивал оснастку Арабеллы. Менял на новые тросы из металлизированного нейлона и крепления, на которых они держались. Работали снова оба мотора вхолостую в моторном отсеке в трюме, заряжая в аккумуляторном герметичном над килем внизу рядом с моторным отсеком, отсеке аккумуляторы.

— Надо будет заняться парусами — спокойно как всегда улыбаясь, сказал нам обоим он — Заменить все и подготовить на обратный путь.

Дэниел был в порядке. Даже более чем. Все прошло в нем. И он занялся делом, так как не мог сидеть без дела.

— Тебе помочь Дэни — произнес осторожно вопросительно я, желая снова наладить с другом контакт.

— Да помоги мне смотать вот тот трос — обратился ко мне Дэниел. И я довольный расположением Дэниела принялся за работу, помогая своему другу на глазах счастливой Джейн.

Под громкие крики альбатросов мы вдвоем скрутили мачтовые треугольные основные большие паруса, до этого просто болтающиеся без ветра как обычные тряпки и укрыли их брезентовыми чехлами, как и кливера на носу яхты. Дэни умудрился еще как-то поймать

полутораметровую рифовую акулу на удочку, которая у него была на борту яхты.

— Сегодня будет обед из акулы — сказал он довольно.

Все было в норме, как и раньше. Но я все равно чувствовал неудобство за то, что сделал. За ту грубость перед Дэниелом. Но иначе его и нельзя было остановить. Он это и сам осознал и понял. И тоже видимо чувствовал такое же неудобство по отношению ко мне и своей сестренке Джейн. Особенно ко мне. Видно было, как он отводил теперь свои черные, как и у его сестренки и моей любимой Джейн молодого двадцатисемилетнего парня глаза, но все было теперь нормально. Он приветливо улыбался, как и раньше поглядывая искоса на меня, и я принимал его улыбки, отвечая тем же. И мы, работая на палубе нашей яхты, старались рабой и взаимной помощью загладить то, что случилось и не ведали, что за малым островом, недалеко от этого архипелага островов стояла уже давно черная яхта морских гангстеров. Они давно уже там стояли в полной уверенности не быть обнаруженными нами. Они вели за нами наблюдения с того отдаленного острова, разделенного в ширину полкилометровым глубоководным в полтора километра глубиной проливом.

Там были те, кто преследовал нас по океану все время и держался на расстоянии все время и всю дорогу. И теперь готовились к нападению.

Дэниел не зря паниковал и вытащил все оружие на палубу. Он чувствовал скорую ожидаемую развязку. Это были люди мистера Джексона.

Дэни говорил про них, это были крайне опасные люди. Но я хорохорился перед мальчишкой, мол, ничего, отобьемся. Еще с тем оружием, что на борту Арабеллы. Мы их переколотим всех если что. Я чисто с русским размахом моряка пытался внести смелость и, уверенность в нашу команду. Особенно в мою любовницу Джейн, не представляя, с кем мы имели теперь дело и как все сложится вскоре. Мне приходилось видеть Сомалийских пиратов. Однажды как-то на сухогрузе «DUYPFRAINE», судне на котором я некоторое время плавал, еще до «KATRIN DYUPON» в Индийском океане у берегов Африки. Мы столкнулись с теми пиратами, и нам даже удалось отбиться своими силами до прихода военного пограничного корабля. Практически без жертв. Но то, что было сейчас, не лезет, ни в какие рамки моего представления о тех людях, что были на той черной яхте.

Это были, даже не столько гангстеры, вернее часть из них, а настоящие спецы. Большая часть из бывших военных. Военные моряки и аквалангисты диверсанты и наемники, а не какие-нибудь голозадые, черножепые негры дикари с автоматами. И было ясно, и очевидно, что действовать они будут не так как те Сомалийские пираты. Нанятые Джексоним настоящие убийцы для поиска нашей яхты и преследования до конечной точки. Они были в курсе всего, что мы искали и были в любое время и в любую погоду готовые напасть на нас, когда придет время. Их время.

Вооруженные до зубов они только ждали когда обнаружится самолет и то золото, которое так нужно было мистеру Джексону. За свою долю этого блестящего металла они могли убить даже мать родную. Любой из них. Спецы подводники и аквалангисты, с которыми мне придется столкнуться там, среди обломков BOEING747.

У них было конкретное задание от Джексона, следить до последнего за нами, так как у них не было точных данных гибели борта 556, и они шли за нами до этих островов. Они должны были замести следы катастрофы и забрать золото, устранив нас по возможности. К чему они сейчас готовились там за тем отдаленным островом на той большой черной двухмачтовой своей быстроходной яхте.

Спустив две резиновые моторные лодки такие же, как и наш скутер, только больше и вместительнее, они, так же как и мы, сейчас с Дэниелом и Джейн грузили водолазное оборудование и свое оружие, и собирались выдвигаться в нашу сторону, наблюдая за нами с вершины острова в бинокли. Наблюдая за внутренней заросшей кораллами обширной скалистой бухтой, где стояла между островами наша яхта Арабелла.

Я тогда даже не мог представить, что развернется настоящая бойня среди этих островов. И мы были одни на один с этими людьми мистера Джексона. И моя судьба уготовала мне весьма интересную жизнь. Хоть и весьма печальную и трагичную.

Я все же испытывал крайнее неудобство перед Дэниелом за прошедший некрасивый этот между нами тремя случай. В частности за себя. Этот американский молодой добродушный парень поделился тогда со мной можно сказать всем своим, после моего спасения, а я...

В общем нельзя было просто отмалчиваться и даже просто не извиниться перед ним. Я тоже был кое в чем не прав. Да и надо было отношение выправлять по любому. Жить вот так теперь в натянутом состоянии нельзя. Это не жизнь.

Если с Джейн все уже выправилось само собой. Между нами нашей очередной любовной ночью. Она уже простила меня за все мои с дурру в запале оскорбления. Хотя какие там оскорбления. Я ее не материл чисто по-русски, но американка восприняла и слово дура соответственно для себя в оскорбительную сторону. Ситуацию спасла наша между нами сумасшедшая до остервенения любовь. Она, изрядно покусав меня в момент нашего очередного с ней близкого дикого спаривания, выпустила свой пар и уже была в полном порядке. То с Денни надо было как-то решать эту между нами проблему.

Я подошел к нему и положил руку на плечо — Прости Дэни — сказал я ему — Прости меня. Я виноват в недавней нашей ссоре, но я должен был так сделать. Ты понимаешь меня. Ты мог погибнуть, и ты был не в себе.

— Ладно, Владимир, проехали — сказал, Дэниел. И видно ему было тоже, неудобно, за свой тот безумный срыв — Это место сводит меня с ума. Надо найти этот самолет и сделать все что надо и уплыть отсюда. И чем быстрее, тем лучше.

— Я понимаю Дэни — сказал я ему в ответ — Я сделаю все, что только потребуется Дэни. Все что только надо будет сделать. Можешь снова рассчитывать на мою помощь, и прости еще раз.

Мы с Дэниелом обнялись как родные уже люди.

— Денни потренируешь меня с разделкой большой рыбы — сказал я ему уже более радостно. Зная, что Дэниел, тоже не хуже Джейн, хоть и редко, но под настроение готовил — Сегодня возьмешь меня с собой на кухню. Еще один тунец не завалился где-нибудь на Арабелле?

— А, в самом деле, что все Джейн, да Джейн, а мы что не повара, что ли! — произнес, как бы в шутку, довольный нашей восстановившейся снова дружбой Дэниел — Пусть сестренка сегодня отдохнет от кухни.

Возвращение на плато смерти

— Когда спуститесь в пролом между рифами — инструктировала меня с Дэниелом моя Джейн, на верхней палубе Арабеллы, после вкусного завтрака из тунца и плавников и жабр пойманной Дэниелом акулы. Приготовленного нами же на камбузе яхты и, улетаемый нами, как надо и с невероятным аппетитом в главной каюте за столиком в нашем общем теперь тесном как всегда дружеском кругу.

Сидя на кожаном кресле в главной корабельной каюте, я с Дэни, и уплетая варенную в кастрюле акулу, я вдруг вспомнил, тот еще не до конца приготовленный моей красавицей Джейн суп, который когда-то спас мне жизнь из мясных консервов.

Джейн не хотела особо вспоминать тот самый жуткий для нее момент.

— Держитесь вместе у самого дна — сказала Джейн — Так будет легче ориентироваться — она показывала руками, как и, что делать. Они в длинных рукавах шелкового короткого до колен халатика, красиво мельтешили в воздухе перед нашими лицами.

— «Моя красавица Джейн» — я уже сексуально бесился, любуясь ей, на пару с Дэниелом допивая горячий в чашке шоколад — «Моя мулаточка южных кровей, загоревшая, как уголь на этом тропическом тихоокеанском солнце» — я сейчас не столько слушал ее инструктаж, сколько любовался опять ею и думая о ней. Забыв уже распри между нами, я смотрел на нее влюбленными глазами влюбленного безумца.

Джейн! Моя красавица Джейн! Теперь, такая вся, раскованная и уверенная в себе, объясняющая, что да как мне и Дэниелу. Она смотрит на меня и видит, как я киплю сейчас к ней.

— Ты сейчас смотришь на мои руки или мои ноги? — произнесла критически и возмущенно моя ненаглядная Джейн — Я для кого провожу инструктаж того места где я недавно была?

— На то и другое моя любимая — произнес сам по себе я, даже не думая.

Дэниел посмотрел тоже на меня, и засмеялся, по-дружески без всякой злобы или неудобства. Он уже не питал ничего обидного против меня, за прошлую стычку.

— Уже одиннадцать на часах — произнес Дэниел, глянув на свои подводные часы на левой руке — Время поджигает.

— «Вот он и вернулся назад» — подумал я, глянув на него с воодушевлением, и рассмеялся. Потом произнес, поперхнувшись и глядя на возмущенный взгляд черных глаз моей Джейн.

— Послушай меня Дэни — произнесла Джейн — Еще все успеете. А инструкцию выслушать придется и это не шутки. Там сто пятьдесят метров. И ты меня послушай Володя.

— Прости любимая — сказал я — Все нормально я тебя слушаю.

— Хорошо бы — сказала, тоже соблазнительно улыбаясь, моя Джейн — Угораздило же меня влюбиться в такого несносного до женских прелестей бабника.

— Все, все я весь во внимании моя любовь — я не стеснялся в своих выражениях даже при Дэни. Что таить и так все происходило на его глазах почти. И он знал прекрасно, что Джейн тоже без ума от любви ко мне. Он сейчас я думаю, как и я просто хотел затереть, быстрее все случившиеся размолвки наши между нами и восстановить дружбу и взаимопонимание между друзьями. Ведь у нас все так гладко шло и то, что произошло, было в основном его виной и виной этого жуткого места. — Так вот повторяю отдельно для несносных бабников — сказала Джейн, сверкая в мою сторону обворожительным взглядом черных как ночь влюбленных глаз — Держитесь вместе. Там глубина больше ста метров, может сто пятьдесят. Один белый песок и больше никого. Но вода там не такая холодная, как в том меж островов ущелье. Я доверяю вам друг друга. Слышишь Дэни — она посмотрела, на меня любящим взглядом и на родного своего брата.

Он, поправляя с черными стеклами на загорелом лбу солнечные очки, покачал в знак примирения и согласия кучерявой с черными волосами головой, что все в порядке и все ему ясно.

— Так вот идите над самым дном — продолжила она — Я так всегда делаю. Так легче

маневрировать и ориентироваться. Там дно после пролома выполаживается и ровное как стеклышко. Но, давление воды сильное. Чувствуется даже в акваланге. Хорошо, что ты Дэни братишка мой любимый гелиевую смесь применил, а не кислород — она так ласково говорила в его сторону, чтобы смягчить и свою вину перед ним за вчерашнее — Так и дойдете до первых обломков. Я дальше не дошла. Запаниковала от всего увиденного.

— Понятно Джейн — сказал Дэниел — мы с Владимиром все поняли.

— Да там еще течение сильное в районе обломков — сказала Джейн — Смотрите, течение опасное в сторону океана. Держитесь друг за друга мальчики мои. Там думаю дальше еще много обломков самолета. Остальное вероятно уже упало в пропасть на большую глубину или унесло за все это время течением. Не знаю, что там дальше, найдем мы золото или ящики, не знаю. Вам и придется это выяснить.

— Хорошо сестренка мы поняли — ответил ей Дэниел и я кивнул головой, глядя влюблено на свою любимую Джейн. Он уже был теперь в моем подчинении, не как раньше. Так договорилась с ним Джейн. И это увеличивало мою теперь ответственность перед ним и моей Джейн. Так захотела Джейн. Она как старшая над своим братом взяла шефство над нами обоими на период нашего первого погружения к обломкам самолета. Моя любимая Джейн Морган. Моя морская русалка и пиратка Энн Бони. Я опять с ума сходил от нее. Ее эта гибкая в талии невысокая девичья загорелая до черноты фигура в этом коротком теперь шелковом халатике, снова как тогда сводила меня с ума. Она только покачала, осудительно, но довольно, своей милой девичьей с черными волосами и золотыми маленькими колечками сережками в миленьких ушках за височными вьющимися до плеч ее локонами головкой. И, закатывая черные как у цыганки глаза, от моих влюбленных в нее взглядов, сказала нам напоследок — Я буду вас ждать мальчики мои — и она подошла сначала к Дэниелу и, прижавшись своей к его груди пышной женской сестренки грудью, встав на носочки, поцеловала его как родного брата в щеку.

— Дэни, Братик мой родной. Будь осторожен там. Слышишь меня любимый — произнесла она ему — Я люблю тебя.

— Я тебя тоже Джейн, сестренка — произнес Дэниел.

После чего, Дэниел пошел продолжать, быстро собирать лодку. Он исчез в носовом отсеке яхты, где лежали свежее заряженные акваланга баллоны и гидрокостюмы. Он загремел там оборудованием, а моя Джейн подошла ко мне и, прижавшись и обняв крепко любовно цепкими девичьими пальчиками и руками за шею, поцеловала в губы, глядя в мои глаза пристально с безумной новой любовью, сказала мне — Береги его Володя. Береги Дэни. Прошу тебя. Береги ради меня.

Я впился своими губами в ее губы и прижал крепко к себе.

— Любимая — произнес я ей — Все будет отлично. Я присмотрю за Дэни. Не бойся за нас любовь моя — произнес я любимой моей Джейн, не ведая, что скоро Дэни не станет и весь свет перевернется для нас с Джейн вверх тормашками.

Я, в своих теперь палубных пляжных сланцах, бросился почти бегом помогать Дэниелу до собирать водолазным оборудованием наш моторный резиновый скутер. Джейн только стояла и смотрела в сторону океана. Она, надев на свои черные, как у цыганки глаза, убийственной красоты солнечные очки. Стояла, прижавшись к оградительным леерным перилам левого борта. Она стояла в своем том, как и раньше в шелковом короткоподолом халатике, выгнувшись в спине над ними, выставив вперед свой девичий под халатиком черный от

загара в нашу сторону пупком животик. Она, разбросав в стороны обе в длинных халатика рукавах девичьи такие же почти черные от загара руки, ухватившись ими за перила, как и тогда в океане, когда я первый раз смотрел на нее там, стояла, сверкая крутыми, голыми почти целиком загоревшими как уголь красивыми бедрами ног. Полными икрами до самых маленьких девичьих ступней в домашних мягких тапочках.

— «Прелестница ты моя крутозадая!» — нахваливал про себя я ее, рассматривая любвеобильными глазами из-под опущенных солнечных темных очков в единоголосном согласии с шевелящимся в животным детородным возбуждении своим детородным членом. В своих тридцатилетнего русского моряка закатанных до колен штанах.

Моя Джейн! Только моя Джейн!

Я тогда же вспомнил, как все у нас было в первый раз. Первую нашу любовь. Тот ее первый одурманенный любовью по отношению ко мне взгляд безумных глаз. После катастрофы, ее девичий безумно влюбленный глаз черных как бездна океана глаз. Ее неуверенное поведение в мою сторону и эти такие же робкие слова — Спасибо — и — Не более. Ее в отличие от Дэниела недоверие к русскому потерпевшему крушение моряку.

Когда я подхватил ее во время качки на волнах Арабеллы. Я тогда еще не знал моей Джейн, такой, какая она была сейчас. Тогда она смотрела на меня из-под черных солнечных очков, не отрываясь, рассматривая меня с ног до головы. Как она рассматривала мои синие с зеленою оттенка глаза. Ее жадный взгляд черных как у цыганки глаз, на девичьем черненьком от загара миленьком латиноамериканском личике, пожирающих жадно и сексуально мое мужское русского моряка тело.

Я как сейчас помню ее тот безумно влюбленный моей будущей любовницы на меня взгляд. Этот жаждущий любви двадцатидевятилетней необузданной в диких сексуальных желания латиноамериканской сучки. Я тогда так и думал, очарованный ею, в том черном вечернем платье в полумраке главной каюты Арабеллы. Этот бокал вина в ее руке и все движения и ее девичьи мысли, только нацеленные на любовь. Ее мелькающие под музыку гремящего ее кассетного магнитофона. В коротком домашнем тельного цвета шелковом халатике черненькие от загара красивые ножки, завлекающие меня к себе, на палубе. Летящей по волнам нашей тогда яхты и то ее в главной каюте вечернее платье и туфли на шпильке и ее...

Ее говорящий без слов беззвучным голосом взгляд — Не уходи! — Когда мы одни первый раз беседовали с глазу на глаз в главной каюте Арабеллы.

Я первая ее настоящая любовь. Любовь посреди Тихого океана. Первая и единственная так и оставшаяся навечно застывшая в тропических тихоокеанских волнах любовь.

Я вспомнил ее тогда когда, она, в этом своем шелковом коротком халатике, мелькая голыми почти черными от загара бедрами ног, теряя эти свои домашние тапочки с маленьких девичьих ступней, неслась сломя голову ко мне. Напуганная в панике на нас нападением коралловых акул, и потом ее обиду и слезы за пролитый еще ею недоваренный мясной суп. И наш дурацкий ржач на всю округу. От того что остались живы, благодаря тому вылитому за борт Джейн супу.

Ее отчаянный испуг за мою жизнь. Ту стаю в коралловой лагуне атолла акул. И как я пулей вместе с баллонами акваланга вылетел на палубу Арабеллы.

Помню ее, пощечины на своем лице и то — Дураки! — и ее те слезы. И то, как я первый раз прикоснулся в ее каюте к ее телу.

Я вспомнил, как повредил ее, одурманенный любовью, дикий и не осторожный, и как она

заболела. И как я ее нес на руках тогда с палубы на глазах Дэниела больную слабую и беспомощную. Мою ненаглядную американку Джейн. А сменившись после вахты с Дэниелом, ласкал ее, прижимая к себе, теми двумя ночами в ее каюте и не отходил от нее. От моей малышки Джейн.

Помню, как она играла со мной, как совсем, малолетняя девчонка, бегая в своем желтом изящном купальнике по палубе яхты, убегая от меня, и красиво выгибаясь в спине, как дикая гибкая кошка, свешивалась с леерного носового ограждения. Прямо под волнорез Арабеллы своей головой, сверкая на ярком жарком океанском солнце своими золотыми в ушах маленькими сережками и длинными и черными как смоль вьющимися, как змеи до самой пенной воды волосами. И я, напуганный каждый раз такими ее дикими любовными забавами, ловил ее, свою Джейн на руки и носил по всей качающейся на волнах яхте, как дурак одурманенный ее любовью и бился сам о, все, получая синяки и ссадины, но, только стараясь не зашибить свою безумную любовь. А она хохотала и целовала меня. Целовала как сумасшедшая. Она действительно была сумасшедшая от любви ко мне. Моя красавица Джейн. Целовала она меня страстно и безудержно безумно. Тогда же я вспомнил и Дэниэла. Почему-то в пляжных шортах. Которые он вообще крайне редко одевал, но почему-то именно в них, стоящего у мачты Арабеллы. И держащегося за мачты прочный металлизированный из нейлона веревочный натянутый трос.

Я вспомнил, как Дэниел спас меня, и я обязан был ему. Он, можно сказать, спас меня дважды. Дэниел. Джейн доверила мне своего родного брата жизнь. Она хотела защитить его. После того что с ним случилось, он еще долго будет приходить в себя. Она, тоже, как и он чувствовала приближение неизбежного. Он был более незащищен теперь чем она. И Джейн беспокоилась о брате. Он уже был другим. Бедный Дэниел. Убитый страхом и горем Дэниел. Тогда все сложилось само собой. Джейн отправила нас к обломкам самолета, который сама же и нашла на том подводном плато. Покрытое одним коралловым илом и устеленное множеством обломков рухнувшего сюда пассажирского самолета. Плато, прозванное мною Платом Смерти. Платом Смерти моего лучшего друга Дэниела.

Помню, как мы проверяли друг у друга акваланги и баллоны с кислородно-гелиевой смесью. Перед самым погружением в то стопастьдесятметровое глубиной обширное усеянное обломками у самой трехкилометровой пропасти отвесного заросшего горгонариевыми кораллами обрыва, где лежали останки того пассажирского разбившегося самолета. Дэниел. Несчастный Дэниел. Мне будет не хватать его. Так же как и моей любимой Джейн. Все эти воспоминания лежат, по сей день тяжелым грузом в моей душе и не желают покидать меня, не смотря на все, что было после. И после всего того, что случилось со мной и то, что прошло пережить и чем все закончилось.

Мы шли с Дэниелом над самым дном, как нас инструктировала и советовала сделать настойчиво моя красавица Джейн. Мы были в том самом месте, где была и она. Ошибки не было, это точно. Я был с ней в том нырянии как раз над тем местом, откуда ее проводил сюда. С места коралловой кромки обрыва. Кругом были водоросли и кораллы. Я чуть не поронулся боком о морского ежа, засмотревшись на рыбу зубатку. Чуть не повредил прорезиненный свой синий с черными полосками гидрокостюм. Просто повезло, и осталась только на правом боку царапина от иглы этого большого черного лежащего на кораллах ежа. Их тут было полно, как и звезд. Дно уходило вниз в мутную водную пелену. Это был настоящий косогор,

уходящий в сторону к океану, к обрыву. Этакая подводная яма. Здесь вот у этого края я, на этом самом месте самом месте, и подхватил ее мою красавицу Джейн, паникующую в слезах, летящую на меня как торпеда. И, где мы начали всплывать к поверхности.

Мы с Дэниелом нырнули с лодки и быстро достигли кораллового дна, насыщенного своей подводной многообразной красивой природой. Не менее насыщенного, как и любой другой подводный коралловый ландшафт океанов. Здесь также было полно всего и кораллов и коралловых рыб.

Помню даже несколько местных видимо барракуд, которые шли смертоносной быстроходной косой. Друг над другом в несколько особей. Барракуды пронеслись стороной от нас. Всего в нескольких метрах, от нас мерно идущих над коралловым дном в стайках разноцветных ярко раскрашенных рыбешек.

Так мы достигли того самого места, где я проводил свою любимую Джейн в то глубоководное погружение.

И сейчас мы стартовали с того самого места и шли по ее маршруту, вне всяких сомнений. Мы прошли тот вниз идущий узкий скальный подводный пролом, который и был продолжением этой подводной ямы, торчащий со дна вверх узким коридором как раз до края почти той коралловой кромки и выходящим внизу прямо на это песчаное плато. Его не было видно сверху того края обрыва, где тогда сидел я. Он метров на двадцать или тридцать был ниже меня и по нему прошла первый раз моя любимая Джейн. Он был для нее ориентиром к возвращению назад. И надо было взять это на учет, как она и говорила.

Чувствовалась глубина, как и говорила моя любимая Джейн. Здесь было не менее ста, а может и все двести метров. Я так точно и не определил. Мы несколько ошиблись в глубинах по карте. Здесь мне кажется, были достаточные глубины, особенно к краю пропасти.

Видимость здесь была просто отличная в этом странном месте. Вокруг далеко было видно, хотя солнечные лучи сюда практически уже не проникали. И было мрачновато. Было холодно на этой глубине и по-настоящему одиноко. Может потому что тут не было никого. Ни единой рыбешки. По крайней мере, я не увидел ничего, кроме вокруг нас с Дэни одной мутноватой синей воды и под нами белого кораллового песка.

Если поначалу там над проломом сверху было просто море кораллов и всякой живности, то тут не было ничего. Ничего кроме песка. Это было нижнее плато, которое видела только моя ненаглядная Джейн. И теперь видели мы с Дэниелом.

Ныряя сюда, мы предусмотрительно свесили кабель провод. Трос и кабель от аппаратуры промера глубины и видеосъемки, от подводного сонара гидрофона эхолота и видеокамеры. Закрепив его у края обрыва за кораллы. На случай спасения, если, что. Чтобы можно было вручную подняться со дна верхнего плато. Закрепив скутер якорем на дне верхнего кораллового плато, мы были теперь в самом можно сказать его низу. На песчаной равнине. В морской яме, которую сверху не видно. Мы с Дэниелом шли над самым песчаным дном. Это плато было ровное как футбольное поле и совершенно пустое.

Вдруг неожиданно перед нами в мутной синеве воды появилась плывущая в нашу сторону странная крылатая, и очень большая тень. Она плыла нам навстречу, медленно приближаясь над песчаным дном. Дэниел остановился и показал мне рукой сделать тоже.

Мы замерли, зависнув в воде, лишь слабо работая руками и ногами в ластах. Потом мы

опустились вообще на само дно. Помню рыхлость песка. Он просто расползлся под руками и ногами и мы замерли.

То была большая манта. Королевская рогатая манта. Еще именуемая морским дьяволом. Она шла сюда со стороны обрыва издалека. Ведь плато уходило к океану и там где-то вдалеке, был обрыв в глубокую на целые километры пропасть.

Моя безутешная любовь побывал где-то там. Там откуда приплыла эта громадная манта. Дэниел затушил фонарик, как и я, следом за ним. Только пузыри отработанного гелия вырывались вверх из наших с Дэниелом аквалангов. И мы смотрели, как манта кружила над песчаной равниной нижнего плато, приближаясь кругами к нам и сбивая своим большим телом наши вверх бурлящие и рвущиеся к поверхности от тяжелого дыхания при выхлопе фильтров пузыри. Что она тут делала, где в настоящий момент не было никого, кроме нас. Даже океанского криля, которым она питается. Я думаю, она просто сюда приплыла просто поплавать. Может она уже здесь была не первый раз.

Манта шла прямо на нас, и почти налетев на Дэниела, чем не на шутку видимо, напугала своей полутонной рыбьей массой, резко взмыла вверх и пронеслась над нашими головами. Я помню ее красивые большие на нижней белой стороне брюха работающие жабры. Я их видел в упор над своей в маске акваланга головой.

Помню, Дэни даже пригнулся к коралловому песку. Почти лег весь на него, опасаясь попасть под этот летящий на нас в воде локомотив.

Да удар был бы не слабый, налети она на кого-нибудь из нас. Обоих бы смела своим тяжеленным планирующим в толще океанской воды телом. Рогач взмыл вверх, и тут же появилась вторая манта. Их было две. Это были, наверное, самка и самец. Возможно, мы застали их в период брачных игр. В сезон спаривания. Возможно, это место было местом спаривания этих красивых живых чудес моря. Это были поистине красивые огромные создания Тихого океана.

Манты парили кругами вокруг нас, мелькая то черной, как глаза моей ненаглядной красавицы Джейн, спиной, то белыми с неровными пятнами животами, словно играя уже и с нами. Их длинные черные как жгуты или нейлоновые корабельные канаты нашей Арабеллы, хвосты парили вослед своим хозяевам. А мы, соприкоснувшись с илистым коралловым дном этого песчаного обширного островного плато, замерев, лишь наблюдали и любовались, даже забыв обо всем этой красотой и грациозностью этих чудесных морских созданий.

— «Жаль моя Джейн не видит этого!» — я тогда подумал — «Не видит этой красоты» — я забылся и замечтался, глядя на красоту этих океанских рыб.

Я смотрел на мант и видел себя и мою Джейн, парящими в толще этой воды. Нашу игру в глубинах океана. Мы были с ней как эти две красивые манты. Эта чернота их спин как глаза моей ненаглядной американки Джейн. Это их кружение в воде, этот танец любви двух влюбленных друг в друга любовников отдавшихся на волю дикой водной стихии.

Дэниел толкнул меня кулаком в плечо и показал, что надо плыть дальше.

Я пришел в себя и заработал ногами и лапами вослед ведущему.

Вскоре появились первые признаки катастрофы. Первые обломки похожие на останки разбившегося о воду самолета.

Здесь место было более каменистое и менее заполненное коралловым илом. Дно покрывали заросли кораллов и водорослей, как и на верхнем плато и обломков становилось все больше.

Вскоре дно оказалось совершенно завалено обломками покрытыми водорослями и кораллами.

Я увидел первые два самолетных кресла, оторванные и выпавшие уже вероятно в самой воде. Несколько чемоданов набитых, по-видимому, до отказа вещами и как ни странно велосипед. Он лежал вверх резиновыми колесами на ржавых ободах. Весь заросший кораллами горгонариями и в водорослях. Здесь были и куски бортовой обшивки и, похоже, даже вещи утопленников. Сумки и чемоданы. Все это превратилось в однородную заросшую кораллами массу на каменистом дне нижнего плато. Мелкое крошево останков самолета вели нас по следу катастрофы.

На пути попало еще несколько оторванных кресел с ремнями безопасности в застегнутом виде на замках, выпавших из развалившегося самолета и куски обшивки, и обломки корпуса лайнера.

Становилось все холоднее и глубже. Потянуло сильным течением, и Дэниел ухватился за мою руку своей рукой. Именно здесь, наверное, и побывала моя любимая Джейн. Это место ее и напугало, и она под впечатлением всего кругом не решилась дальше плыть и вернулась назад.

Нас потащило в сторону океана. Мы, слабо работая ногами и ластами, буквально стоим зависли над каменистым, теперь замусоренным самолетными обломками дном. Мы оба глубоко и тяжело дышали, пуская вверх с фильтров аквалангов обильные крупные в воду углекислые пузыри. Сказывалось сильное уже давление. Надо было проверить еще впереди. Там я увидел силуэт в глубине синеющей воды. Что-то более крупное. Тенью оно лежало на каменистом, как и обломки,

дне плато. И было глубже, чем там, где мы были с Дэниелом, стоя вертикально борясь сильным течением.

Это был располовиненный ударом об воду кусок корпуса самолета. Там чуть дальше от него был еще один и так видимо до самого низа и края самого океанского обрыва. И все усеяно обломками и вещами смертников, от которых уже ничего не осталось в океанской соленой воде. Кусок маячил нам навстречу своими пассажирскими повывбитыми о воду иллюминаторов окошками.

Я показал Дэни на тот ближний большой кусок торчащий силуэтом в синей воде, и мы устремились, борясь с течением к останкам искалеченного о воду пассажирского большого самолета.

Глубина здесь была больше ста. Это точно. Давление давило на голову и тело. Становилось еще тяжелее дышать. Глубина росла, но мы плыли упорно и настырно, над дном чуть не касаясь вещей утопленников и мелких обломков. Дэни неудержимо рвался вперед, а я за ним.

— «Джейн! Любимая моя красавица Джейн!» — бурлили мысли в моей голове — «Моя Энн Бони! Это твой BOEING747. Мы нашли его! Мы нашли твой с Дэниелом борт 556!».

Мы заплыли в этот большой оторванный фрагмент пассажирского самолета. В трехцветной облупленной раскраске фюзеляжа. Это была средняя часть BOEING747. Она была в относительной целости, если не считать ее обломанной по обеим сторонам и недостающие несколько с краю пассажирской палубы тех самых, видимо, выброшенных при аварии за борт кресел, что нам попались на пути сюда. Виднелись останки внешней и внутренней обшивки и перегородок, еще уцелевших при жестком падении о воду. Часть кресел лежала разбросанными на дне под нами, оторвавшимися, здесь же, при ударе о дно.

Эта часть самолета, с бортовой надписью компании «TRANS AERIAL», была салоном второго класса. Все кресла со свисающими ремнями безопасности с застегнутыми замками и в креслах никого. Океанская вода и соответствующие условия сделали свое дело. Часть самолетного корпуса лежала прямо на острых черных камнях своим сильно приплюснутым в стороны от удара брюхом.

Я заметил крыльевую одну в стороне большую плоскость Боинга с двигателями на них, зарывшиеся в камни и ил и уже заросшие тоже кораллами и водорослями. Второй я не заметил, вероятно, она упала в пропасть, как и ряд деталей самолета. Не было ни одного колесного шасси, возможно, они так и остались внутри днища самолета и не вывалились при ударе лайнера о воду и каменистое в этом месте дно. Здесь все плато было вокруг в обломках.

Печальная скажу вам и удручающая картина. Никого, только кресла со свисающими ремнями на замках безопасности и оторванные такие же кресла на дне плато, вокруг центральной части самолета.

Мы с Дэниелом проплыли вдоль его по внутренней стороне большого фрагмента корпуса и, повернув влекомые сильным подводным течением, отправились дальше ко второму куску самолета.

То был хвост с вертикальным высоким стабилизатором и надписью еле заметной 747 на вертикальной основной лопасти. Что и подтверждало еще раз идентификацию нашей с Дэниелом находки. Он лежал горизонтально поверхности самого заросшего кораллами каменистого дна. Его боковые большие лопасти стабилизаторов высоты почти лежали на самом дне. На внешней обшивке сохранилась местами еще краска.

Мы проплыли мимо. Нам надо было обследовать дно и найти голову рухнувшей с неба сюда машины. Кабину, где размещались пилоты. Это головная часть пассажирского отсека первого класса и над ним кабина пилотов.

Дэни уже начал, как и я сам, опасаться, что не упала ли она в пропасть с обрыва. Тогда наш успех был бы фатальным. Нам нужны были черные ящики самолета. Это была приоритетная задача.

Боинг сильно переломался при падении о воду. Он разбился на три куска, и его обломки разлетелись по дну на обширное расстояние вокруг места его падения. Без сомнения, что часть, какая-то упала и в многокилометровую пропасть, которая была впереди нас.

Мы хотели пойти дальше, туда, где дно уходило вниз, и было значительно глубже. Дэниел собирался дойти до края бездонного пропасти. Я показал руками Дэниелу об вероятной опасности, и он в этот раз, послушался меня.

Смесь была на исходе, и мы уже устали и надо было возвращаться. Надо было выбираться отсюда быстрее.

Не найдя нос самолета мы прервали поиски, когда я показал Дэниелу о большом расходе кислородной смеси. Глубоко дыша на такой глубине под высоким для человека давлением расход смеси был большим, и надо было отсюда делать быстрее ноги. Мы, буквально соприкасаясь

друг друга, и взявшись на всякий случай руками пошли назад, почти против течения цепляясь за дно ластами. Нам даже пришлось

расцепиться и идти, руками хватаясь за кораллы и обломки и вещи с разбившегося самолета приросшие ко дну плато. Течение со стороны большого острова. Откуда точно не ясно, но было здесь видимо постоянным и очень сильным. Неудивительно, что часть обломков унесло

и наверняка в открытый океан и только более тяжелые и прочие детали и вещи с самолета упав каким-то непонятным образом

зацепились за дно, за кораллы и вросли теперь в них чуть ли не целиком.

Я запомнил почему-то те первые два пассажирских кресла и несколько сумок и чемоданов, набитых скорей всего пассажирскими вещами в зарослях красных кораллов горгонарий и даже велосипед, вернее то, что он из себя сейчас представлял, торчащий из самого дна вверх ободами с резиновыми колесами.

Вдруг появилась манта. Она появилась над нами и плыла почти наравне с нами над нашими головами. Мы плыли практически наравне против течения. Я был удивлен, как моя красавица Джейн вышла отсюда. Хотя она, возможно, не доходила досюда, где побывали мы, и не была в таком течении, но предупредила о нем нас.

Манта плыла вместе с нами и была одна. Может это другая манта, а не из тех двоих. Третья и одинокая, заплывшая сюда из океана. Может в поисках своей любви.

Мы пропустили ее вперед, и она также как и мы шла над самым дном.

Мы повернули в сторону. В направлении пролома и вышли снова на песчаное дно. Ровное как стеклышко. Дэниел погреб ластами, что силы вырываясь из слабеющего подводного течения, как и я идущий за ним следом.

Надо было возвращаться и как можно быстрее. Время было на исходе. Я постоянно теперь поглядывал на свои подводные часы. Становилось слишком тяжело дышать. Уже не хватало смеси в баллонах, и мы прошли быстро пролом, где течение прекращалось, и вскоре поднявшись с нижнего плато, мы ухватились за висячий над краем кромки обрыва перед ямой кабель трос с эхолота, сонара гидрофона и видеокамеры.

Мы ухватились за него обеими руками и почти в раз, и, перемещаясь по нему руками перехватываясь пальцами за этот длинный кабель-трос и подгребая ластами, в окружении рыб губанов, пошли на всплытие к нашей, на поверхности воды, резиновой лодке. Очень медленно стравливая отработанный гелий на выдохе, проходя декомпрессию.

Первым вынырнул Дэниел и, выплюнув мундштук шланга и сняв маску, забросил ее в наш скутер. Потом это, тоже, самое после всплытия сделал сам. Мы отстегнули пустые уже практически плавающие на воде баллоны и вскарабкались на борт лодки. Забросив ноги, я и Дэниел,

упали на дно скутера уже без сил, и тяжело дышали в сильной одышке, вдыхая свежий воздух идущий порывами ветра с океана.

— Ветер, снова ветер! — произнес Дэни, расстегивая на груди гидрокостюма замок — Ну наконец-то! — он произнес радостно — Я уже думать начал тут, что его уже не будет, никогда! — он почти кричал от радости, лежа в лодке на спине рядом со мной. Мы лежали друг к другу головами.

— Сильно и вправду это там течение! — громко тоже произнес я, тоже расстегивая замок гидрокостюма — Ели вытянули! Нужны запасные с собой баллоны! Смеси не хватит и конец!

— Верно Володя — уже успокоившись и более сдержанно и тихо все еще тяжело дыша, произнес Дэниел — На всех брать придется на троих.

— В смысле? — переспросил я его.

— Джейн тоже поплывет — ответил он мне — Снова. Ей хочется там побывать. Дальше от того места где она была. Она отличная пловчиха, ты сам видел и ее помощь может тоже пригодиться, если, что, там на глубине.

— Хорошо — произнес, помню я — Втроем, значит втроем.

Мы вернулись на яхту. Было час дня. Вернулись как раз к очередному обеду. С кают из камбуза внизу вкусно пахло чем-то вареным. Это моя красавица Джейн что-то нам приготовила с Дэни своими миленькими девичьими черненькими от загара ручками. Подняли на борт ручной лебедкой с оборудованием надувной резиновый наш скутер, и, не выгружая его, поставили на самый край левого борта яхты. Палуба из красного дерева, снова была горячая как сковородка, но поднявшийся уже достаточно сильный ветер подавал надежду на хоть какое-то облегчение.

Джейн нас встречала, уже переодевшись в джинсовые снова свои шорты, плотно облегающие ее кругленькую попку и загорелые до черноты девичьи бедра. Она помылась в душе, и от нее пахло свежестью девичьего тела. Джейн надела красную свою снова бейсболку и желтую с картинкой футболку. Как всегда поверх своего узкого плотно прилегающего к ее девичьему почти как уголь загоревшему женскому телу желтого купальника. Джейн пока мы ныряли, сделала

генеральную уборку на яхте и сготовила обед. Она обняла нас и сказала, что пора обедать и ждет нас внизу в главной каюте Арабеллы. Она расспросила о нашем нырянии и Денни воодушевленный находками, ей все сам без моего вмешательства поведал все в подробностях. Я поцеловал ее в губы и, проводив до спуска вниз к жилым каютам, принялся менять баллоны. Загружая поднятый на борт лебедками резиновый скутер, новыми баллонами со свежей закачкой гелиевой смеси. Я заменил маски и ласты, и сами гидрокостюмы. Дэниел сказал взять и акваланг самой сестренки Джейн. Джейн тоже с нами пойдет в следующее погружение. Она все-таки должна там побывать. Он так считает. И я думаю, он возможно прав. Это был самолет и ее отца, и она должна быть там. К тому же она его и нашла.

Мы тоже приняли душ, по-быстрому и по очереди с Дэни и отобедали в главной нашей кают-компании обставленной кожаными креслами и диваном в главной каюте Арабеллы вместе с нашей красавицей Джейн.

Свежий ветер дул с Востока на Запад. Из-за скалистых хребтов островов. И можно было при случае ставить паруса.

Я разделся до плавок и обдуваемый этим ветром в одних опять только плавках и сланцах наслаждался блаженной прохладой.

Джейн занялась со мной снаряжением аквалангов и закачкой гелиевой с кислородом смеси в баллоны.

Дэниел снова занялся мотором. Он, снял его с моей уже помощью. Он зараза, снова барахлил, и ему это не нравилось. Но Денниел был спокоен и не нервничал больше. Он не был таким как раньше. Он успокоился и был даже доволен. Он нашел следы катастрофы самолета своего отца. Он спокойно разговаривал с Джейн и был опять выдержан и оптимистично настроен на работу. Сложилось впечатление, что у Дэниела даже прекратились какие-либо страхи за свою жизнь и жизнь сестры. Он был у своей цели. Он стал более решительным, чем был до этого. Дэниел стал каким-то теперь отрешенным от всего. Он стал каким-то теперь отчаянным и порой безрассудным в своих действиях. И это теперь был его другой краеугольный камень. Этот вот камень и стал вскоре причиной трагической в скором времени гибели.

Джейн теперь больше волновалась, чем он. То, что он увидел, внесло некоторую надежду в сердце двадцатисемилетнего американского парня, что он выяснит, в конце концов, в чем была причина гибели Боинга-747.

Дэни верил теперь, что найдет подтверждение в данном преступлении определенной роли и его дяди Джонни Маквэла. Это он и проболтался как то по пьянке Дэниелу о темных делах мистера Джексона. О золоте на борту лайнера и загадочных его причинах гибели. Видимо совесть его мучила или просто по пьяной дури язык развязался. Дэни стал угрожать Джексону в расследовании этого дела. И скоро будут все

факты против мистера Джексона, с которым он теперь чуть ли ни лично враждовал, пообещав докопаться до причин убийства его отца.

Дэниел рассказывал как его первый раз даже избили у дома того Джексона. Когда он пообещал выяснить причины гибели своего и Джейн отца. Он попал даже в больницу с травмами. Были свидетели конфликта, правда, теперь все покойные. Инцидент был даже в местном и государственном СМИ США. Но, нужны были и доказательства вины мистера Джексона в гибели лайнера. Это требовалось и его подельникам в его темном бизнесе. Они хотели тоже знать, где их золото. Тогда там, в Калифорнии все говорили об этом. Даже ФБР и в полиции знали, кто такой мистер Джексон, но доказать его причастность к исчезновению с золотом и людьми пассажирского гражданского самолета было невозможным по причине пропажи и того и другого. Нужны были факты и улики. И вот первый факт, правда, еще непроверенный тогда появился в руках его сестренки и моей теперешней любовницы Джейн. Джексон боялся за это золото и за свою шкуру. Несмотря на связи, он рисковал сам перед своими подельниками, хапнув их накопленный на

крови и продаже оружия общак. Он стремился скрыть все следы своего преступления под видом неизвестности. Мол, нет самолета и нет золота. И он тоже не причем, просто несчастный случай и все. Если кто-либо узнает о его причастности к гибели самолета и пропаже золота, то ему голову будет не снести. И он это прекрасно знал и делал все возможное, чтобы хапнуть и золото и спастись от гнева своих подельников по кровавому бизнесу.

И от Дэниела и Джейн требовалось найти черные аварийные ящики BOEING 747.

Это карта этого островного скалистого и мрачного архипелага с курсом борта 556. И то, что над этими островами прервалась связь Боинга в грозу. И вот теперь, когда Джейн нашла первые останки лайнера, появилась надежда узнать правду о гибели отца и самолета. И Дэниел был теперь в особом, трудовом поисковом настрое, пережив свой недавний с ним стресс. Он взял себя в руки, хотя и было видно, ему было все еще неприятно за свои сцены той истерии, которая не закончилась для него смертью. Но он знал, что все сгладиться, особенно если ему удастся найти и золото, и черные ящики борта 556. Тогда он придавит этого убийцу его отца Джексона. Который долгое время общался с отцом Дэни и Джейн. Он был их другом семьи еще с Южной Америки. С Панамы. Они тогда неплохо ладили, и отец работал на мистера Джексона какое-то время. Занимался воздушными перевозками лично для него. Потом отец перешел в гражданскую авиацию и отошел от дел Джексона. Но обстоятельства так сложились, что судьба их снова свела в авиакомпания «TRANS AERIAL», где и работала какое-то время и сама Джейн. И, наверное, даже смерти. Джейн за него теперь боялась еще сильнее, чем раньше. Впрочем, она и так за него боялась как за своего родного брата. Она теперь и за меня боялась. Женщина есть женщина. Я как русский моряк так вот по-русски

и понимал. Она хоть и была американка, но все же женщина. И к тому же она стала обрести моими русского моряка привычками и вращаться за время нашего с ней общения, в основном близкого, русским менталитетом. Я видел, как у Джейн появлялись мои привычки и замашки, что порой ранее удивляло Дэниела. Потом Денни уже к этому привык, как и ко мне самому. Я всего вам не рассказываю из нашего того долгого морского путешествия, как и многое из нашего общения. Думаю это лишнее. Я только пересказываю те события, которые необходимо было пересказать, как и любовь моей ненаглядной Джейн ко мне и наши близкие во время нашего путешествия отношения, которых у меня не было ранее и не будет уже никогда. Потому, что я любил ее. Любил безумной и откровенной любовью как ненормальный и чумовой. Равно как и она меня. Это была неотъемлемая часть всего моего рассказа, которую нельзя было не рассказать.

Так вот Джейн боялась за брата Дэниела и полностью доверяла его жизнь и судьбу мне теперь. Русскому моряку. Она хотела, чтобы я не отходил от Денни ни на шаг. Особенно под водой.

Но избежать того, что должно было вскоре произойти, было не возможно. И как бы я не хотел оградить Дэниела моего лучшего друга от надвигающейся на него неминуемой смерти, я бы ничего не смог сделать. Равно как и они по отношению ко мне. Это была судьба или ее роковое трагическое проявление. Как угодно, но я не смог, бы, при всем моем желании, уберечь Дэниела от того, что с ним должно было вскоре случиться.

Борт 556

На часах было четырнадцать пятнадцать в главной каюте Арабеллы. Пятые сутки в океане. Пятые сутки за линией экватора. Вторые сутки в районе крушения борта 556. Среди отвесных черных скал двух самых больших в архипелаге скальных островов, на якоре на пятисотметровой цепи, практически посреди коралловой огромной лагуны и достаточно глубокого двух ярусного кораллового плато под нами.

Где-то там, в сторону Тихого океана лежат обломки пассажирского самолета. Там на краю океанической многокилометровой бездны под постоянным сильным течением со стороны островов.

Там на глубине превышающей сто метров, лежат останки тех, кто погиб здесь, найдя вечный покой в здешних водах. Покой четырехсот пассажиров и членов экипажа. Их вещи вперемешку с обломками самолета BOEING747, рассыпаны по всему нижнему плато до самого края обрыва. И там где-то среди них должно лежать три тонны золота и бортовые черные ящики самолета. Там где-то в зарослях кораллов горгонарий и водорослей. Там где нет ничего практически живого, лишь иногда заплывают с океана скаты рогачи-манты и акулы.

Солнце палит по-прежнему нещадно, но появившийся сильный ветер, все же помогает легче переносить палящую его жару. Он помогает Арабелле выйти на заданную точку, намеченную Дэниелом над местом

крушения самолета. Денни бросил якорь в этом месте и закрепил на одном месте нашу Арабеллу. Как раз, над самым тем местом, где мы наметили свое к нему второе погружение. Подготовив акваланги и все дополнительное оборудование. Запасные баллоны с гелиевой смесью для глубокого погружения. Мы, втроем уже спустив лестницу с кормы яхты и свесив веревочный фал, проводной кабель от подводной исследовательской аппаратуры на лебедке снова для собственной подстраховки уже до самого дна на все сто пятьдесят метров над

местом падения самолета, я с Дэниелом и Джейн спустили еще тросы, туда же, с бортовой лебедки. На конце мы закрепили объемистую мелким сечением сеть. Этаким кошель, вытасченный Дэниелом из трюма и прикрепленный грузилами по краям для утяжеления, убрав резиновый надувной скутер с правого борта и переместив его вручную без мотора на нос нашего круизного быстроходного судна.

Лодка уже была не нужна. Дэниел решил делать погружения прямо с яхты, страхуясь по возможности спущенным длинным до самого дна второго плато тонким, но прочным проводным веревочным фалом кабелем, как и раньше от глубоководного эхолота сонара и камеры видеонаблюдения.

Расчет был верен и продуман. Учитывая там внизу сильное течение это все было крайне необходимо, как для поиска и подъема черных ящиков, так и личного спасения в случае какого-либо под водой несчастного случая или происшествия. Надо было найти при случае и золото. Как доказательство преступной контрабанды на борту погибшего самолета. Дэниел на это тоже рассчитывал. Ему нужно было найти хотя бы слиток, чтобы явиться в полицейский участок у себя дома, там, в Калифорнии или лучше прямиком в ФБР, вместе с черными ящиками. Вполне возможно, что на борту самолета могло быть еще и оружие, что могло послужить еще одним весомым доказательством против мистера Джексона.

Снова заряжены баллоны кислородно-гелиевой смесью. Проверены по новой шланги с мундштуками и воздушные фильтры, гидрокостюмы. Особенно мой, с синими вставками. Я недавно зацепил рукой морского ежа, и надо было проверить герметичность прорезиненной ткани костюма. Маски и ласты. Сменили свинцовые поясные противовесы и новые взяли ласты.

Дэни собирался надеть свой тот черный акваланг с желтыми вставками на руках и ногах, хотя у него было еще два гидрокостюма. Он сказал, что этот лучше переносит глубинное давление. Его прорезинка толще и тверже. Мне посоветовал взять один из своих, что я и сделал. Так на всякий случай, чтобы не заморачиваться с проверкой на герметичность.

Дэниел сбросил, прямо на палубу с себя всю до черных своих плавков одежду вместе с темными солнечными очками, и взял лежащий приготовленный для себя гидрокостюм.

Я, следом за Дэниелом снял с себя бейсболку и свои брюки, и цветную рубашку из его подаренного мне гардероба. Сверкая в одних плавках тельного цвета своим атлетическим загорелым до черноты телом перед моей красавицей Джейн. Совращая ее в очередной раз русского моряка своим сексуальным мужским мускулистым телом. Я, кинув свою одежду рядом с одеждой Дэни, взял один из таких же черных прорезиненных гидрокостюмов, какой был у Дэни, обсмотрев его весь и прейдя к выводу, что годиться вполне и решил его взять, заменив свой. По сути, он меня и спас потом своим темным цветом на глубине плато.

Мы с кормы яхты на веревочном кабеле подводной аппаратуры спустили на глубину ста пятидесяти метров на дно второго плато запасные, закачанные гелиево-кислородной смесью до отказа баллоны

акваланга. В следующем погружении мы решили с Джейн и Дэниелом их спустить на дно под грузом у провала, для подстраховки, учитывая сильный перерасход смеси на глубине, когда опять пойдем с Дэни вдвоем в погружение на поиски черных самописцев ящиков Боинга.

— Поправь во здесь — сказал Дэниел Джейн, застегивая на груди замок гидрокостюма, поворачиваясь к ней спиной — Опять там что-то мешает. И Джейн, чмокнув в щеку брата, загорелыми своими ручками там поправила завернувшийся воротник у шеи гидрокостюма

под шлангами воздушного фильтра. Опять, как и тогда на том мелководном атолле. Она, сверкая на меня снова своими черными, как ночь глазками сделала это.

— А у тебя все нормально? — спросила она, мягко и нежно с придыханием меня, уже тоже при нас раздевшись. Закатывая, играючи, мне свои

черные от восторга глазки, и сняв темные зеркальные солнечные очки и мигом, выскочив из джинсовых шорт и желтой своей футболки.

— Может тоже что-нибудь поправить? — она хитро улыбнулась. Бросив аккуратно свою одежду прямо на палубу яхты рядом с брошенной нашей одеждой. Она хихикнула, все с намеками на очередные близкие отношения, красуясь передо мной, мне в ответ, своей почти полной загорелой до угольной черноты наготой. В своем желтом узком купальнике, обтягивающим, плотно ее узкую спину тонкими лямками и треугольными лепестками лифчика ее девичью с торчащими в мою сторону черными сосками грудь, и узкими до нельзя натянутыми на бедра плавками подтягивающих меж девичьих полных почти черных от загара ног промежность и волосатый лобок. Она повиляла передо мной крутыми красивыми девичьими перетянутыми тугими тесемками плавок загорелыми такими же, как и ее все тело, бедрами ног, снова выгнувшись в спине и выставив играючи в мою сторону свой пупком и чудесным овалом над тугим пояском тех купальника плавок девичий живот. Я понял ее в самом прямом смысле слова, и посмотрел вновь синими с зеленью своими мужскими влюбленными безумными глазами русского моряка, очаровывая свою помешанную на любви ко мне молодую мою любовницу.

— Да, но не сейчас милая моя — сказал я, ей смотря ей в глаза, застегивая замок на груди акваланга — Попозже, когда сплаваем.

— Ладно, хватит хохмить и раздаривать комплименты — произнес, улыбаясь Дэни — На еще нырнуть надо, а там течение и глубина. Все проверили друг у друга?

Джейн, глянув скольльзящим критическим взглядом своих черных глаз на брата, подошла ко мне — Повернись — сказала она также нежно и мягко — Кругом милый.

Я повернулся сначала спиной к ней. Она все осмотрела и потрогала, все, проверяя на работоспособность. Потом повернулся передом и наши взгляды встретились.

Джейн смотрела на меня влюбленным взглядом своих черных, как бездна океана глаз, не отводя их и намекая на очередную любовь этой будущей ночью. Я смотрел также на нее и сходил с ума от своей красавицы двадцатидевятилетней молодой латиноамериканки. От ее тех гипнотических убийственной красоты глаз и милого смуглого до черноты загорелого личика и вьющихся на головке кругленькой с заколотыми вновь под золоченную булавку черных как смоль волос. Смотрел на маленькие аккуратные девичьи ушки и золотые колечками такие же маленькие сережки. Я уже опять хотел ее, но надо было подчиняться общему нашему теперь делу и снова приказам нашего восстановившего себя в правах капитана Дэниела.

— Ну ладно, влюбленные мои голубки — произнес Дэниел — Хватит друг другом любоваться. Пора нырять — он был стремительно настроен на погружение и был как никогда теперь решителен — Нас ждет океан.

Дэни был доволен. Все шло как надо теперь. Мы нашли самолет, и оставалось найти черные с него аварийные ящики.

— Чур, мое золото! — произнесла радостно моя красавица Джейн, осматривая меня всего с ног до головы и поворачиваясь как модель в своем новом для более глубокого погружения

черном полностью гидрокостюме передо мной.

— Если найдем — произнес Дэниел.

Я осмотрел ее всю тоже с ног до головы и кое-где, тоже поправил ее подводное снаряжение акваланга. Особенно осмотрел фильтры и шланги и поправил свинцовый противовес пояс на ее тонкой затянутой талии.

— Вот и все любимая — произнес я — Теперь хоть на самое дно океана.

— Размечтался. Не глубоковато ли? А как же давление? — в шутку, произнесла, улыбаясь Джейн.

— Знаешь любимая — я продолжил, поддерживая форму шутки от Джейн — В наших постельных погружениях я нахожусь под таким глубинным давлением, что кажется, ночи я очередной не перенесу и умру от декомпрессии.

Джейн прыснула и расхохоталась.

— Дурачок влюбленный! — произнесла, смеясь в шутку и игриво, сверкая черными цыганским гипнотическими глазками, моя красавица Джейн.

— Ну, вот и прекрасно все в настроении — произнес, тоже смеясь, Дэниел, моей ответной шутке — Эта бодрость духа, это то, что нам сейчас нужно. Ну, с Богом! — он произнес, надевая маску и в рот вставляя мундштук шланга и спускаясь за борт яхты.

Дэниел, осторожно ступал в надетых ластах, по спущенной с кормы Арабеллы лестницы. По тому месту где я и попал на эту яхту. В темную синюю воду островного обширного плато. Там глубина была с добрую сотню метров, и мы стояли у самого края обрыва ко второму ярусу, куда упал ее на длинной цепи якорь. Как раз там, где я провожал Джейн вниз и мы с Дэниелом спускались к обломкам самолета и ровному коралловому дну.

— Дэни! — крикнула ему, перед тем как Дэниел спрыгнул в воду — Помни о течении!

И Дэниел упал в воду, подымая большие брызги своими баллонами акваланга.

Потом за ним последовала и моя красавица Джейн. Я поддержал ее на спуске, и она тоже плюхнулась красиво своим кругленьким и обтянутым новым гидрокостюмом девичьим задом, обрызгав меня забортной водой.

Я был следующим, и мы покинули втроем нашу круизную красивую, как моя Джейн белоснежную бортами и мачтой со спущенными вниз всеми парусиновыми белыми парусами яхту.

Я ушел под воду, быстро пуская пузыри отработанного первого своего вдоха, видя мою красавицу Джейн, идущую следом за Дэни, след в след, чуть не касаясь его работающих в воде ласт. Я пристроился в аккурат за ее красивой женской широкой попкой.

— «Моя русалка Джейн! Моя морская нимфа!» — опять я ушел в сексуальные свои мужские несдержанные в желаниях мечты. Я смотрел

на нее идущую впереди. Она иногда оглядывалась на меня и снова смотрела вперед на своего брата Дэниела и плыла за ним вниз.

Давление глубины давало о себе знать с каждым метром. И мы достигли дна верхнего яруса как раз на самом краю обрыва, ко второму дну, идущему к краю самого океана. Как раз возле спущенной с яхты цепи брошенного якоря, цепь которого уходила вниз в глубину второго яруса плато. Здесь же спускалась и нейлоновая с борта яхты на лебедке веревка со спущенной где-то там, на дне мелкочейистой крепкой сетью.

Мы спустились туда к каменистому похожему на узкое неглубокое ущелье пролому под нами, заросшему, большими кораллами горгонариями, водорослями и напичканному мелкой

океанской рыбешкой.

Рядом с нами вниз спускался сброшенный с нашей яхты вниз до второго плато возле пролома кабель трос нашего глубоководного эхолота и сонара. Он уходил в глубину и где-то был там на дне.

Там в мутной внизу синеве впереди лежали обломки Боинга — 747.

Мы все втроем пошли вниз под обрыв верхнего в кораллах яруса.

Медленно переносилась нагрузка от давления воды. Проходя адаптацию глубины и достигли того пролома ведущего вниз до песчаного голого пустынного дна. Мы двигались также друг за другом. След в след, медленно работая

ластами и пуская из фильтров пузыри отработанной кислородно-гелиевой смеси.

Я раньше как-то не обращал внимания на стены этого мини ущелья. Не до красоты как-то было, знаете ли. Но сейчас я почему-то обратил на это внимание. Может из-за местных коралловых рыб. Оно было сейчас невероятно красиво.

Кораллы переливались своей ветвистой красотой в чистой воде. И сменялись черными заросшими водорослями скалами.

Раньше как-то тут было пусто и не особо живописно. Не так как сейчас. Этот пролом словно ожил. На протяжении нашего всего его прохождения нас сопровождали коралловые цветные рыбы.

Встречались медузы, как и там, в бухте между островами. Почти такие же, как там, только значительно крупнее и ясно, что они были не оседлыми и местными, а пришельцами с открытого океана.

Мы шли тройкой у самого дна, преодолев спуск по пролому и осилив давление воды.

Гидрокостюмы хорошо защищали от глубины, но давление все равно сказывалось здесь почти на двухсот метровой глубине.

Акваланги Дэниела были просто отличными и проверенными. И мы уже сюда все ныряли и знали, каково тут.

Мы шли над самым белым ровным омытым и обкатанным океанскою водою песком второго яруса дном большого открытого и пустынного плато. Покинув пролом и оставив висеть рядом с якорной цепью, спущенную из тонной ячейки нейлоновую сеть до дна рядом с ним веревочный фал кабель с нашего эхолота и сонара и видеоаппаратуры, для подстраховки к нашему возвращению.

Дэни как всегда первым. За ним моя Джейн и я, пристроившись к ней сзади. Чтобы лучше созерцать красивую в обтягивающем гидрокостюме девичью попку естественно.

— «Джейн, Джейн!» — думал все время я — «Моя Джейн!» — я, опять, совершенно не думал о том, о чем надо было думать. Я окончательно помешался на любви к своей любимой. Дэниел остановился и показывал нам с Джейн правой рукой и жестами своих пальцев впереди себя. Я сначала не понял его. Но потом увидел впереди стаю над самым дном, как и мы рифовых серых акул.

Они приплыли сюда с открытого океана и промыслили тут рыбой. Видно было, как они ловили заплывшую сюда, спасаясь от них довольно крупную океанскую макрель. Они загнали целую стаю сюда с открытого океана, чтобы здесь мирно пообедать.

Дэниел показывал рукой, как и куда дальше плыть и мы оба прекрасно понимали его жесты рук.

Он нам, показывал, что надо обойти этих хищниц и желательно дальше стороной. Акулы сейчас были в охотничьем азарте, и не стоило находиться рядом с ними. И мы решили обойти их по правой стороне, тихо и спокойно, и не дергаясь. Так и сделали. Дэниел повел меня и Джейн в обход над самым также дном плато, по дуге обходя морских пирующих острозубых хищниц. А те продолжили свое пиршество, не замечая совершенно нас. Это их появление здесь настораживало. Здесь в этом пустынном гибельном месте, месте, где кроме песка и торчащих черных скал из него не было ничего. Ничего до самых обломков BOEING 747.

Мы обошли острозубую стаю и двинули дальше также не особо спеша, мерно работая своими лапами, и вскоре приблизились к первым обломкам самолета. Отсюда начиналось место трагедии и наших поисков. И здесь же было сильное течение. Оно не прекращалось ни на минуту и постоянно сносило в открытый океан.

С одной стороны оно было и на руку нам. Нам не пришлось особо напрягаться и работать ногами. Течение нас само несло над россыпью мелких обломков и разбросанных вещей пассажиров Боинга. Но нас они мало интересовали вросшие в самое дно и в кораллы, которые росли из обнажившегося скалами дна в этом месте.

Вдруг опять появились манты. Целая стая мант. Такого мало кто вообще видел даже в океане. Джейн остановилась, восхищенная увиденным. И я взял ее нежно своей рукой за ее вскинутую в удивлении ручку. Мы невольно пригнулись под ними проплывающими не спеша над нашими в масках головами. Как раз в том самом месте, где прошлый раз нам с Дэниелом, попались первые два оторванных пассажирских кресла с застегнутыми на замки ремнями безопасности и набитые под завязку вещами несколько вросших в кораллы чемоданов.

Я видел, какие были удивленные и восторженные черные глаза моей Джейн. Она, замерла на месте. И любовалась увиденным. А Дэниел имел смелость даже коснуться одной из них, подняв в гидрокостюме руку и проведя по брюху первого морского рогатого гиганта.

Здесь в месте гибели лайнера. Они прошли стайей прямо над нашими головами и останками тех, кто здесь погиб, совершай словно, рейд поминовения усопших и скрылись из виду в мутной синеве глубоководного островного плато.

Десять тонн золота

Я сдуру налетел на тот торчащий из красных кораллов горгонарий перевернутый вверх резиновыми колесами, тот самый перевернутый велосипед. Совершенно случайно. Сам виноват, загляделся на задницу, опять своей любимой Джейн, и мечтая снова о новой с ней ночи.

Я ударился об него боком, прямо о торчащее заднее колесо. Осыпав прилипший к нему белый донный ил.

— «Чертов велик!» — выругался про себя я — «Больно же!» — я, аж выпустил облако обильных выдохнувших пузырей отработанной смеси.

Джейн обернулась в мою сторону в очередной раз и увидела, как я сунулся, боком о торчащее из красных кораллов колесо.

Она покачала сочувственно своей в маске головкой и показала руками, что все ли в порядке. Я ей отсигнализировал, также руками, что все нормально, что переживу и поплыли дальше.

Дэниел оторвался уже от нас на целых десять метров, и надо было его срочно догонять. Он плыл, не переставая работать ногами и лапами, и не оборачивался. На моих подводных часах

было уже три часа дня.

Мы углублялись, в целую свалку обломков лежащих под нами. Множество вещей и прочего уже хлама оставшегося от самолета. Это все я Денни видели в прошлом заплыве.

Теперь Джейн и сам Дэниел это увиденное переносили как-то спокойнее, чем тогда, когда мы все перессорились из-за случившегося. Они просто мирно, и не дергаясь, спокойно плыли впереди меня.

Я догнал свою Джейн и посмотрел на нее, стараясь заглянуть ей в лицо в ее глаза. И она, посмотрев на меня глазами черными, как бездна океана наполненными грустью и протянула мне правую с маленькими пальчиками ручку. Я взял ее за руку и мы, усилив свое движение, и глядя друг на друга, догнали быстро Дэниела. Джейн ухватилась за мою руку, прямо за мои руки пальцы сжав их с силой, и видно было, как моя красотка переживает, видя все это. Но она смирилась с тем, что предстояло им с Дэниелом увидеть и хорошо тогда вместе со мной понервничав, взяла себя как и Дэни в руки.

Первый раз, доплыв до первых обломков, Джейн перепугалась как женщина, а теперь она держалась и плыла дальше. Она, теперь была со мной и Дэниелом, и ей было теперь так страшно среди этого кошмара авиакатастрофы.

Я понял, куда Дэни нацелился. Он спешил к той части лайнера, которую мы тогда из-за недостатка времени и гелиевой смеси не нашли. Это голова воздушной машины. Передняя часть самолета. Она должна быть где-то впереди нас в той синеве воды. Где-то там, на краю обрыва.

Течение нас несло само к этому краю обрыва. Нас постоянно сносило в сторону и подымало стоймя вертикально, и приходилось выравнивать свой маршрут, усиленно гребя ластами. Оно было очень сильным и буквально тащило нас в пропасть. Мало того здесь был перепад высоты и было еще глубже чем до этого места. Уже было метров за двести и давило на все тело и особенно голову. Я ощущал всем своим телом это давление и особенно дыханием. Глубина не давала свободно продохнуть. Все тяжелее становилось дышать. И смесь уходила чаще из баллонов и фильтров в виде отработанного после глубоких вздохов газа.

Гелиевая смесь хоть и позволяла дышать на такой глубине, но она уходила чаще, чем требовалось из-за глубокого и тяжелого прерывистого дыхания. Это все глубина и ее давление.

Я видел, как и Джейн боролась с глубиной. Она тоже понимала, что здесь было гораздо опаснее, чем там выше на самом плато.

Я показывал Джейн, что долго на такой глубине находиться нельзя из своих познаний и опыта в прошлом русского военного моряка подводника. Может так случиться, что мы все втроем не сможем вынырнуть отсюда. Но Дэниел упорно плыл в направлении обрыва.

Мы проплыли хвостовую часть лайнера с хвостовым обросшим кораллами рулевым оперением с цифрами 747. То, что мы с Дэниелом тогда видели и средний, отсек второго класса, покореженный обломок части корпуса пассажирского рухнувшего с неба в воду лайнера с надписью на борту «TRANS AERIAL». Проплыли сквозь него.

Мимо разбитых оконных иллюминаторов и сквозь уцелевшие еще при ударе переборки и обшивку, осматривая опять пассажирские с застегнутыми на замки ремнями безопасности в отсеке уцелевшие, хоть и не все на своих местах кресла. Часть кресел лежала на дне разбросанной под нами как мы их тогда и видели. Мы проплыли насквозь эту часть погибшего лайнера. И устремились дальше, спускаясь все

ниже и ближе к обрыву. Туда куда в прошлый раз мы оба не дошли.

Неожиданно там впереди в мутной синеве выделился силуэт похожий именно на нос самолета. Он лежал огромной остроносой массой и, по всему было видно, что это то, что мы как раз и искали. Там почти на самом краю опасного и отвесного обрыва в океанскую трехкилометровую бездну.

Как он туда не свалился? Не понятно, что его удержало от падения в трех километровую пропасть. И Дэниел спешил туда. Дэни словно чувствовал где надо искать, и он ускорил свое движение, и мы последовали за ним.

Мы были на месте. Мы нашли то, что искали. Это был носовой отсек самолета. Первая его половина, оторванная при ударе о воду. Огромная громоздкая часть BOEING747, состоящая из пассажирского отсека первого класса и надстройки над ним